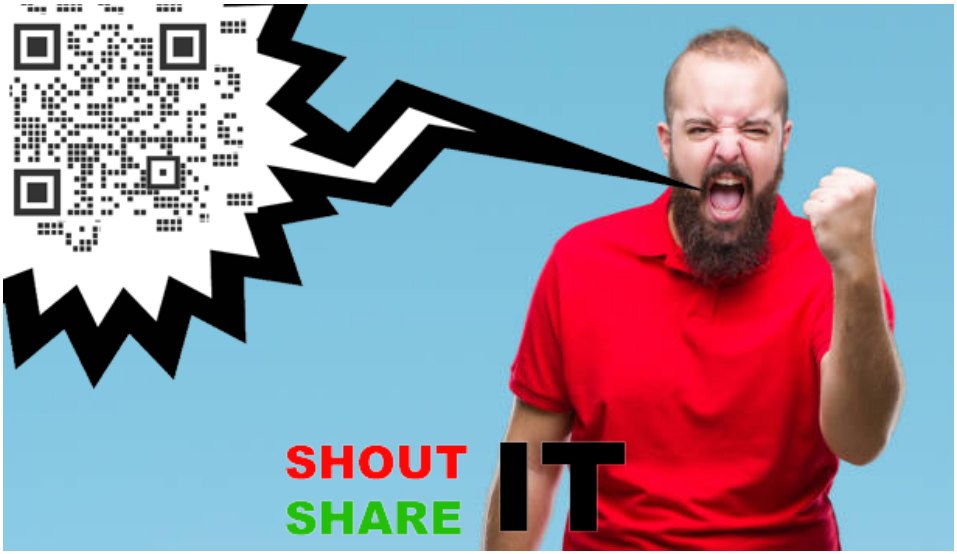
Алмазная тень

Фред Чаппелл


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Еще одно приключение нашего знакомого охотника за тенями.

- Фред Чаппелл
  - ◯

Фред Чаппелл

Алмазная тень

Мы были идиотами, когда согласились прийти в это поместье, - прошипел я.

- Поместье, - повторили тени справа.

- *Бесчестье,* - изрекли тени слева.

- Мы были идиотами, Фолко, - заверил Астольфо, - еще до того как получили приглашение. Но трусить уже поздно. Наберись храбрости.

- Храбрости, - гулко отозвались благожелательные тени.

- *Ярости,* - зловеще откликнулись злобные.

- Никого я не боюсь, - обиделся я. - Только мне не по душе эти тени, которые меня передразнивают. Словно вязнешь в тине.

- Тине.

- *Паутине.*

- Тени не умеют разговаривать, - отмахнулся Астольфо. - Они безмолвно таятся в своих длинных коридорах. Уверяю, такова странная особенность конструкции этого полутемного хода. Когда мы заткнемся, они тоже заткнутся. У них попросту нет дыхания, так что заговорить они не способны. Смотри, они даже пола не касаются. Бьюсь об заклад, им неизвестно, что такое земная твердь.

- Твердь.

- *Смерть.*

Поэтому я, по совету Астольфо, заткнулся и не промолвил ни слова, пока мы не отворили массивные двери, замыкавшие коридор. Двери с шумом захлопнулись за нами. Похоже, эти створки предназначались еще и для того, чтобы не пропускать теней, ибо мы оказались в помещении, ярко освещенном стенными факелами и рядами горящих свечей, озарявших мягким светом каждый предмет. Оказалось, что здесь полно народу: напыщенные придворные, дамы в дорогих нарядах со своими камеристками и молодыми дочерьми, угодливо улыбающиеся юнцы в шелковых коротких панталонах и со смешными шпажонками в ножнах. Хотя до нашего появления здесь жужжала обычная светская беседа, стоило нам войти, как все замолчали и уставились на меня и Астольфо с неприкрытым любопытством. Ощущение создавалось такое, что я попал ко двору властителя

одного из бесчисленных карликовых государств, хотя наша хозяйка была не более чем трижды овдовевшей графиней. По крайней мере, так объяснил мне Астольфо.

Всего лишь графиней, и все же она восседала, подобно принцессе, на стуле с высокой прямой спинкой из крепкого дуба, украшенной грифонами, львиными головами и геральдическими лилиями.

Правда, тронного возвышения не было, но вокруг самого «трона» образовалось свободное пространство: присутствующие почтительно держались на расстоянии. И по-прежнему не сводили глаз с меня и Астольфо, словно собрались здесь с единственной целью: как следует нас рассмотреть.

Мы, как и полагалось, выразили хозяйке надлежащее почтение, после чего Астольфо уверенно, без всякой скованности, обратился к ней:

- Синьора Триния, мы явились сюда по вашему повелению.

- По моему приглашению, мастер Астольфо. У меня нет права приказывать вам.

Интересно, почему она кажется столь миниатюрной? Может, из-за размеров стула? На вид ей уже далеко за тридцать, но, благодаря манере моститься на сиденье едва ли не боком, она выглядит ребенком. Выдает ее голос. Голос старой женщины. Еще не дрожащий, но неопределенного тембра и чуть заметно надтреснутый. В светлых волосах проглядывает серебро, и стоит ей повернуть голову, как вокруг возникает нечто вроде переливающегося ореола. Нельзя сказать, что взгляд у нее рассеянный. Просто он устремлен в какую-то точку между нею самой и человеком, к которому она обращается, словно смотрит куда-то внутрь… только вот внутрь себя или собеседника? Поэтому и кажется, что она немного не в себе, хотя говорит достаточно ясно и разумно.

- Вы оказали нам огромную честь своим любезным приглашением, - ответил Астольфо и снова поклонился, сняв крахмальный полотняный берет левой рукой и широко взмахнув правой, будто виолончелист смычком.

- Могу я осведомиться о здоровье вашей супруги и деток? - спросила графиня.

- Увы, я не женат, - вздохнул Астольфо, - и, к несчастью, живу один со своим немым слугой Мютано и этим человеком, Фолко.

Он подтолкнул меня локтем в бок, и я поспешно поклонился.

- Это все слуги, которыми я обхожусь. Согласен, иногда мне кажется, что я веду безрадостное, почти отшельническое существование.

- Но, возможно, именно этот образ жизни позволил вам

приобрести умение и искусство, необходимые для культа теней. Мне сообщили, что ваше ремесло требует постоянной и упорной практики.

- Да, я действительно много трудился, но, возможно, человек более способный и талантливый усвоил бы все детали куда быстрее.

Графиня ничего не ответила, рассматривая довольно грузную фигуру моего лысеющего хозяина, его умелые руки, пышное одеяние и мягкие серые глаза, в которых никогда не возникало и тени угрозы.

Очевидно, графиня уже многое знала об Астольфо, а возможно, и обо мне, и подробными расспросами она лишь пыталась выиграть время, чтобы получить окончательное впечатление о нас обоих. И все же я немного удивился, когда она вдруг сказала:

- Думаю, мы уже встречались раньше. Астольфо чуть помедлил, прежде чем ответить:

- Мне так не кажется, синьора. Уверен, что наверняка запомнил бы столь грациозную и очаровательную даму.

Ее голос мгновенно похолодел, как порыв ледяного ветра, прилетевший с замерзшего озера.

- Если я говорю, что мы встречались, значит, так оно и есть. Согласна, ум у меня не так гибок, как в былые времена, да и сообразительность уже не та, и все же я не настолько забывчива, чтобы не припомнить некоего Астольфо, вора, похитившего тень убийцы Торродо и доставившего эту тень его смертельному врагу на издевательства и муки.

- О, те дни давно миновали, и происходившие тогда события теперь, скорее, относятся к разряду слухов, чем принадлежат истории, синьора.

- Послушайте, не стоит меня сердить! Если я говорю, что мы встречались, значит, так оно и есть, - повторила графиня. - Если я утверждаю, что ты сделал то-то и то-то, следовательно, все эти деяния принадлежат исключительно тебе.

Она нервно забарабанила каблуками, скрытыми широкой шелковой юбкой, по подножию стула - совсем как нетерпеливое дитя.

- Синьора… - почтительно пробормотал Астольфо с очередным поклоном.

- Мне не слишком нравятся тени! - объявила она. - Противные, крадущиеся, раболепные создания. Люди говорят, что ты - вор, который крадет и продает тени, получая немалую выгоду. Лично мне не понять, как это можно украсть тень. Но если тень - это вещь, полагаю, ее можно похитить. А грабители…

грабители так и кишат повсюду. У меня постоянно пропадают кольца, золотые и серебряные браслеты, диадемы и все такое прочее. Даю слово: кое-кто из наглого жулья околачивается в этой комнате и сейчас.

- Синьора!

- Я не о тебе, Астольфо! Тут полно и других. О, я могла бы столько порассказать о каждом из этой компании - ты бы ушам не поверил! Милейшие люди, ничего не скажешь, милейшие!

Многие из собравшихся, должно быть, слышали ее реплики, но никто и виду не подал. Приглушенная беседа ни на секунду не прерывалась. У меня создалось впечатление, что придворные привыкли к неожиданным взрывам гнева графини и почти не обращали на них внимания.

- Возможно, это всего лишь недоразумение, - предположил Ас-тольфо. - Уверен, все в этом зале - люди порядочные и благородные.

- А вот это зря! Верить никому не стоит. Кстати, почему тебе так нравится противоречить мне на каждом шагу? Считаешь меня дурой?

- О нет, синьора, никоим образом.

- Иногда я действительно веду себя как дура, причем редкостная! Видишь ли, временами откуда-то появляется облако, которое окутывает меня и так затуманивает голову, что я долго не могу сообразить, кто я такая и где нахожусь. Именно в подобные моменты изменники и предатели пользуются моим состоянием и творят свое черное дело.

Я снова оглядел толпу, столь же безмятежную и невозмутимую, как и минуту назад.

- Но кому могут понадобиться эти тени?! Мерзкие, гнусные, вечно шепчущиеся скользкие твари, неотступно ползущие за тобой по пятам или торчащие у стен с угрюмыми, капризными физиономиями. Ни одной радостной. Объясни, зачем они нужны?

- Моя госпожа, - почтительно начал Астольфо, - я и сам часто удивлялся, до чего же разнообразное применение можно найти для теней. Обычно они используются с целью создания прохлады или определенной атмосферы в помещении. Облегчают свободу общения и смягчают остроту спора. Можно нанять арфистов и лютнистов, тихо играющих на вечерах и собраниях и обеспечивающих приятный фон для беседы. Так вот, тени способны служить этой же цели. Возможно, вы слышали, что виноделы часто ставят бочонки в определенных тенистых участках, чтобы получить тонкость и глубину вкуса у сортов, лишенных достойных природных качеств… словом, тысячи вариантов применения. Разве не вы сами наняли ту компанию

теней, что толпятся в коридоре, ведущем в парадный зал? Полагаю, вы хотели доставить неприятности гостям, явившимся с неизвестными целями, или подвергнуть испытанию тех, кто пришел навестить вас.

- Мне не нужны никакие тени! Они по своей воле просочились сквозь стены, если только…

Графиня с горечью оглядела общество и рассерженно пробормотала:

- Если только кто-то из этих предателей не привел их с собой, чтобы причинить мне зло. С тех пор как умерла матушка, я больше не знаю, кто - мой верный друг, а кто - тайный враг.

- Скорблю вместе с вами о вашей потере, - учтиво молвил Астольфо. - Когда это произошло?

- Может быть, вчера. А может, много лет назад. - Ее глаза широко раскрылись. Лицо на миг исказила гримаса ужаса. - А может, случится завтра.

- В любом случае, это тяжелая утрата.

Она махнула грациозной, обремененной тяжелыми кольцами ручкой в мою сторону:

- Почему твой друг все время молчит? Я не доверяю тем, кто лишь глазеет по сторонам, но слова не вымолвит.

- Фолко только недавно с фермы, - пояснил Астольфо. - Не умеет себя вести в приличном обществе и больше всего на свете боится показаться неотесанным детиной. Но как помощник он совсем не плох.

- Помощник в твоем предприятии с тенями? Астольфо мягко улыбнулся и кивнул.

- Так вот, я позвала тебя по поводу омерзительных, грязных теней.

- Повторяю, для меня ваше приглашение - большая честь.

- Почему ты постоянно раздражаешь меня? Я сказала, что настояла на твоем приходе. Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы приглашать. Я очень редко кого приглашаю последнее время. Нельзя так легко доверять людям.

- И вам даже не с кем потолковать по душам?

Графиня на удивление резко хлопнула в ладоши, и в зале мгновенно воцарилась тишина. Пожилой мужчина, сидевший у стены на скамейке с резными подлокотниками, поднялся, медленно направился к большому столу, накрытому белой дорожкой, и взял с него маленькую шкатулку из тисненой кожи, перехваченную железными полосами.

Шкатулку он понес было графине Тринии, но та взмахом руки указала на Астольфо.

- Пожалуйста, как следует рассмотри драгоценный камень,

который там находится. Хотелось бы знать, что ты о нем думаешь.

Астольфо взял шкатулку у пожилого синьора и открыл ее. На мягком фиолетовом бархате лежал алмаз размером с яблоко-кислицу.

Хотя я стоял более чем в семи шагах, ослепительный свет ударил мне в глаза, словно камень вобрал в себя пламя всех свечей, прежде чем разлить это сияние тысячей теплых лучей по большому залу.

Астольфо долго не отрывал взгляда от необыкновенного камня, прежде чем спросить графиню:

- Позволено ли мне будет взять его в руку, синьора? Графиня милостиво наклонила голову.

Астольфо держал камень перед глазами большим и указательным пальцами, глядя сквозь него. Потом медленно повернулся на каблуках, так что и камень описал полный круг, и стал осторожно переворачивать его снова и снова, осматривая каждую поверхность. Отполированный, но не ограненный, он словно пульсировал, когда свет факелов и свечей пронзал его холодную сердцевину.

Наконец Астольфо бережно положил драгоценность на место и поклонился старому придворному, который вернул шкатулку на стол.

- Итак, - спросила графиня, - что ты там видишь?

- Точно сказать не могу, - признался Астольфо. - Сначала мне показалось, что это трещина, потом, скорее, вкрапление. И все же ничто не нарушает внешнюю поверхность. Жаль, я не захватил увеличительное стекло, чтобы сказать точнее.

- Нет, - покачала головой графиня, - никаких магических стекол! Я им не доверяю! То, что нужно увидеть, следует наблюдать невооруженным глазом. Ты сам скажешь, если заметишь то, что открывается мне.

- Я видел тень.

- Вот оно!

Она снова хлопнула в ладоши, испугав и меня, и всю компанию.

- Я тоже видела тень, жуткую, темную, слизистую, дымную тварь, извивающуюся в самой сердцевине моего камня. Раньше ее не было. Прежде мой алмаз был прозрачным, ярким и сверкающим, как звезда. Сейчас он стал золотистым, желтоватым, и это мне не нравится. Он с каждым днем теряет в цене, верно?

- Но, синьора, он все равно невероятно дорого стоит.

- Нет. Говорю тебе, он дешевеет с каждым часом. Почему ты постоянно споришь со мной?

- Если он не так ярок, как раньше, значит, возможно,

поврежден, однако причина мне неизвестна… Могу я спросить, где он был найден и как попал к вам?

- Не можешь! И я устала от постоянных пререканий. Кробиус, - она показала на старика, который приносил шкатулку с алмазом, - расскажет историю камня, если тебе так уж необходимо ее знать. У меня раскалывается голова, а разум скользит, как копыта осла на политой маслом брусчатке. С меня на сегодня хватит. Когда поймешь, что случилось с моим лучшим алмазом, и найдешь способ его излечить, можешь вернуться, уведомить меня, и я щедро тебя вознагражу. Надеюсь, ты не станешь оспаривать размер суммы, которую я решила тебе выделить. Меня тошнит от постоянных возражений.

- Синьора…

Старик подошел к нам, поклонился и направился к двери в дальнем конце зала. Мы последовали за ним на почтительном расстоянии.

В маленькой комнате рядом с парадным залом было тихо. Единственная лампа с абажуром в виде чаши, стоявшая в центре стола между четырех стульев, лила яркий свет, и Кробиус поставил под ней шкатулку с драгоценным камнем. Только сейчас я рассмотрел Кро-биуса поближе: тощая серебристая бородка, острый конец которой исчезал за треугольным вырезом мягкого воротника; усталый мягкий голос и тонкие желтоватые пальцы патрицианского философа. Прежде всего он усадил нас и предложил освежающие напитки, от которых Астольфо вежливо отказался. Я, разумеется, последовал его примеру. Затем Кробиус устроился между нами и объяснил, что о происхождении и появлении алмаза, который так тревожил графиню, почти ничего не известно.

- Но как это может быть? - удивился Астольфо. - Такой красивый камень должен иметь долгую и бурную историю.

- Возможно, и так, но об этой истории мы ничего не знаем, - чрезвычайно спокойным, почти гипнотически-размеренным голосом продолжал Кробиус. - Он был найден в вещах Тайрина Бланци, второго мужа графини. Когда-то семейство Бланци считалось одним из самых богатых и могущественных в торговом мире, но потом для него настали тяжелые времена. Как многие торговые компании, семейство посылало корабли в гибельные моря на севере, надеясь на выгодный обмен с лесными племенами Джастерленда и рыбаками с островов Авроры. Но мятежи и пиратство нанесли суровые, а под конец и смертельные удары торговым предприятиям Бланци, и они стали получать доходы исключительно от арендаторов своих поместий. Кое-кто предполагал, что алмаз был получен в результате выгодной

торговой операции, но нигде не найдено ни единой записи о его происхождении.

- И сколько времени прошло со смерти Бланци до обнаружения алмаза? - осведомился Астольфо.

- Добрых два года, - подумав, ответил Кробиус. - Графиня к тому времени снова вышла замуж и подумала, что неплохо было бы разобрать вещи покойного мужа, а кое-что, если понадобится, продать. В одном из морских сундуков она нашла шкатулку с камнем.

- Скажи, тогда он был в таком же состоянии, как и сейчас?

- Я не слишком разбираюсь в камнях. Но, по-моему, с тех пор он изменился. Графиня утверждает, что он «позолотел», и мне это кажется наиболее подходящим определением.

- А сама графиня? Сильно изменилась со дня появления алмаза?

- Не сказал бы, что слишком, - поколебавшись, ответил Кробиус. - Сама она говорит о постоянных недоразумениях, жертвой которых становится. Да вы слышали. Но я не знаю, имеет ли камень какое-то отношение к ее нервозности. Мне это кажется весьма маловероятным, но жалобы графини начались примерно в то время. Те, кто хорошо ее знал, утверждают, что она изменилась, и весьма, но я считаю, что госпожа всегда была немного не от мира сего.

- Как по-вашему, кто-нибудь из ее окружения желает ей зла?

- Вы сами видели нашу крошечную вселенную, весьма похожую на двор любого из местных правителей. И как при всяком дворе, мало найдется тех, кто не желал бы зла ближнему своему. О графине и ее непомерной требовательности ходят разные слухи. За ней шлейфом тянутся чужие обиды, горечь и раненые чувства.

- А сами вы когда-нибудь становились объектом ее импульсивности? - поинтересовался Астольфо.

- Нет, мне повезло. Но общеизвестно, что все женщины склонны к постоянным переменам настроения. Положение графини весьма ненадежно и требует, возможно, гораздо большего зова воли, чем она обнаруживает.

- Зов воли? Что за странный термин? И что он означает? Я слышу его впервые.

Кробиус улыбнулся с видом снисходительного наставника.

- В таком бизнесе, как ваш, он встречается крайне редко. Это философский термин, сходный с понятиями «стойкости» или «воинственного духа». Возможно, самое верное его значение - это «мужественность».

- Неужели кто-то замышляет убийство графини? У кого

хватит смелости лишить ее жизни?

Кробиус потер клинышек бороды указательным и большим пальцами, словно оценивая текстуру ткани.

- Не знаю. Мне следовало бы считать, что такое совершенно невозможно. Ее последний, третий муж, граф из какой-то отдаленной области, называемой Ондормо, был человеком мрачным и недобрым, никогда не питавшим к ней истинной любви. Но он был изгнан графиней и сейчас пребывает в ссылке.

- Так она не трижды вдова?

- Она считает его мертвым.

- И где он может обитать?

- И это мне неизвестно. Некоторые считают, что он удалился на дикое побережье Кламоргры, изрезанное пещерами, и скрывается в одной из них, как гадюка в норе. Но ходят и другие слухи.

- И чем он не угодил графине?

- Опять же это только слухи. Что-то насчет дележа собственности, но я ничему подобному не верю. Он был упрям, своеволен, спесив. Она, как вы сами видели, иногда выглядит рассеянной, временами словно не в своем уме. Так что, скорее всего, их разлад не более чем конфликт характеров.

Астольфо снова вынул алмаз, поднес к свету и принялся осторожно поворачивать.

- Жаль, что графиня не позволяет более тщательно исследовать его под лупой ювелира, - пробормотал он.

Кробиус расплылся в медленной улыбке:

- Что касается этого… - хмыкнул он и вынул из потайного кармашка в рукаве лупу в изысканной оправе. - Не вижу никакого вреда в увеличительных стеклах и не могу взять в толк, почему графиня возражает. Возможно, это всего лишь одно из ее бесчисленных суеверий. В особенно неблагоприятные дни она теряет всякую уверенность в себе и способность принимать верные решения.

С этими словами он вручил лупу Астольфо.

Лично я как должное принимал то обстоятельство, что мастер теней был к тому же еще и признанным экспертом по драгоценным камням, как, впрочем, и в области многих других искусств и ремесел.

Он продолжал изучать предмет, то поднося еще ближе к свету, то удаляя, снова и снова переворачивая, и выражение его лица из встревоженного становилось озадаченным. Под конец он даже стал напевать что-то себе под нос: верный признак того, что наткнулся на сложную головоломку.

Наконец он почти с благоговением уложил алмаз на

фиолетовый бархат.

- Какой позор, если такая редкость окажется орудием зла, - вздохнул он.

- Вы так думаете? - прошептал я. Не отвечая, он обратился к Кробиусу:

- А вы, синьор, верите, что так оно и есть? Старый придворный дернул себя за бородку.

- Сегодня все мои ответы - это признание в собственном невежестве, - сообщил он. - Честно говоря, не знаю.

- Мы с Фолко должны навести справки, - решил Астольфо. - На библиотечных полках моего дома наверняка найдется несколько полезных томов. Если вы, Кробиус, отведете нас обратно, в коридор шепчущихся теней, оттуда мы легко найдем дорогу домой.

- О, подобные трудности вовсе ни к чему, - отмахнулся старик. - Есть другой выход, гораздо более короткий и приятный.

- Спасибо за вашу доброту, - кивнул Астольфо, - но, к сожалению, мы должны вернуться тем же путем, каким вошли. У этих теней наверняка найдутся тайны, которыми они жаждут поделиться.

- Думаю, вряд ли от них можно узнать что-то ценное, но буду рад проводить вас.

Он неторопливо направился к двери. В парадном зале уже не оказалось графини, а ее стул-трон был отставлен к стене. Несколько оживленно болтавших гостей, из тех, кто развлекается дольше и уходит позже всех, не обратили на нас внимания. У двери в коридор Кробиус с поклоном распрощался.

В то время я ездил на сером в яблоках кобе

[1], характера мирного и покладистого. Мой громоздкий коллега переросток Мютано выбрал эту лошадку по кличке Торта из конюшни Астольфо и передал мне с мимолетной сардонической ухмылкой, означавшей, что он доверяет мне самое смирное животное, поскольку с более резвым я просто не справлюсь. Как раз в этом он ошибался, но я смиренно принял поводья и постарался как можно лучше ухаживать за кобылкой. Сразу было заметно, что у Торты имеются свои преимущества. Пусть она не способна лететь быстрее ветра, зато выносliва и отважна. И не сбежит, если впереди ждет засада.

По пути в особняк Астольфо неожиданно свернул в сторону и, не оборачиваясь, махнул рукой, очевидно, давая знать, что скоро вернется. Я заметил, что он выбрал дорогу в Тардокко, - но кто знает, какие дела ждали его там? День перевалил на вторую

половину, и солнце уже садилось за крыши оживленного портового города. Люди старались поскорее закончить дела, предвкушая вечерние развлечения.

Я поставил Торту в стойло, обиходил и пошел прогуляться по двору. Лето в этом году выдалось раннее, и деревья, травы, даже редкие кустарники, любимцы Астольфо, цвели и зеленели.

Я вдруг подумал, что хозяин, должно быть, отправился за советом к одному из друзей, скорее всего, прославленному ювелиру. Может, и мне заслужить его похвалу, постаравшись за это время узнать кое-что о драгоценных камнях? Поэтому вошел в дом, направился в обширную библиотеку Астольфо и сразу бросился к тем полкам, где хранились книги о камнях. К этому времени я уже успел немного познакомиться с прекрасным собранием книг и рукописей, хотя в глубине души знал, что Астольфо вряд ли с этим согласится. По-моему, он считал меня чуть более образованным, чем кобель коротконогой гончей.

Прошло долгих три сезона, с тех пор как я вломился в этот дом в надежде стать вором, а потом и учеником мастера теней. Мои мечты сбылись - и принесли с собой куда больше горестей, чем я предполагал. И все же я знал о камнях достаточно, чтобы сразу заглянуть в последнее издание Великого Альбертуса, а затем, следуя его указаниям - в руководство Родиуса «Камни, светящиеся и прозрачные» и в трактат Кассарио «Огненные опалы и карбункулы».

На страницах последнего труда я и нашел древнюю историю синьоры Эрминии. Эта баронесса всегда носила в волосах ослепительный опал. Великолепный молочный камень в точности повторял смену настроения своей таинственной хозяйки: ярко сверкал, если она веселилась, посылал в воздух красные огни, если она впадала в гнев, и затуманивался, будто мутная лужа на дороге, если она плакала. Когда на склоне лет ее сердце было разбито неверным любовником, опал треснул и развалился на пять частей, выплеснув напоследок все цвета и исторгнув из несчастной леди последний вздох. И едва душа покинула баронессу, все пять камешков превратились в темно-серый порошок, как и иссохшее тело самой Эрминии.

Я немедленно задался вопросом, может ли быть применима эта история к нашей графине, и когда упомянул об этом Астольфо, тот не стал с ходу отвергать мою теорию. Он разыграл неслыханное удивление, застав меня в библиотеке, однако предупредил, что изучение драгоценных камней - дело сложное и неверное.

- Предрассудки и суеверия, окружающие драгоценные камни, влекут за собой столько же сплетен и слухов, сколь и репутация

светской красавицы. Чем тверже ее добродетель, тем отчаяннее работают злые языки. Так вот, самый яркий и чистый алмаз может считаться гибельным для своего владельца.

- Но как же это получается? - спросил я.

- Зависть, мой друг… Если у тебя нет ни средств, ни удачи обладать прекрасным сапфиром, который есть у меня, зависть побуждает тебя сочинять всякого рода гнусные истории о камне, приписывая ему самые страшные свойства. И, поверь, ты легко найдешь благодарных слушателей среди такой же швали, как ты сам.

- Но неужели во всех этих россказнях нет ни капли правды? Зловещих историй о драгоценностях так же много, как волков на островах Авроры.

- Нет, почему же, некоторые байки действительно недалеки от истины, - заверил Астольфо. - Я бы, например, ни за что не стал носить черный жемчуг. Но не слушай любого, кто врет, будто сердолик отравлен ядом дракона, хранившего его в своей сокровищнице.

- Но ведь многие верят подобным глупостям!

- Пойми, многие торговцы прекрасно умеют считать, определять плодородие земли, оценивать качество товара, но они совершенно теряются, стоит коснуться вопроса о драгоценных камнях. Эти маленькие сгустки света, должно быть, специально созданы, чтобы люди теряли из-за них разум. Кстати, это же качество присуще женщинам.

- Но разве тревоги графини не имеют под собой основания? Похоже, ее алмаз действительно теряет свои свойства. Он ведь сильно изменился…

- Похоже, что так. Но каково твое мнение о самой даме? Мы пробыли в ее обществе совсем недолго, однако я нахожу, что женщина она необыкновенная.

- Она загадка, - выпалил я. - Я даже не сумел определить ее возраст.

- Расскажи о ее тени.

- Мерцание факелов и свечей затрудняло наблюдение. Но мне показалось, будто она обладает двойной тенью.

- Две главные тени, независимо от всех полутеней, созданных дроблением света?

- Две главные тени, которые будут следовать за ней повсюду.

- И как ты их опишешь?

- Обе невелики. Одна - игривая серая тень, энергичная, с кокетливыми, порхающими очертаниями. Другая гораздо темнее, ее форма несколько искажена, а края неровные и неясные. Кроме того, она словно занята собой и любит уединение, тогда как

первая тень - создание жизнерадостное, общительное, готовое лечь на любую поверхность и заиграть даже при косом свете.

- Какая из двух, по твоему мнению, соответствует телу и духу графини?

- Ни та, ни другая, - поколебавшись, сообщил я. - Может, каким-то образом обе, хотя точнее объяснить не могу. И все же ни одна не имеет прочной связи с хозяйкой.

- А алмаз?

- Я не слишком хорошо разглядел его со своего места. Главное его качество - размер. Обидно, если он поврежден, ибо драгоценность такой величины может стоить небольшого королевства.

- Ну а как насчет бархата?

- Бархата?

- Алмаз лежал на подушечке фиолетового бархата. Каковы твои наблюдения?

Я надолго задумался.

- Рядом с тем местом, где лежал алмаз, была небольшая вмятинка.

- Прекрасно, - кивнул Астольфо. - Возможно, у этого выдающегося камня имелся компаньон.

- И вы думаете, алмаз может иметь некую духовную связь с графиней? - не выдержал я. - Судя по тому, что я прочитал, душа некоей леди Эрминии так тесно переплелась с опалом…

- Довольно этих старых басен, - перебил Астольфо. - Они покрылись плесенью, подобно пещере для хранения сыров.

- Значит, это неправда?

- Даже если и правда, историю так часто повторяли, что она потеряла часть своего очарования. Кроме того, изложенные в ней события слишком далеко уносят нас от настоящего. Мы должны все свое внимание обратить на графиню. Что за человек способен отбрасывать две основные тени?

Вопрос, слишком знакомый ученикам.

- Тот, близнец которого умер при рождении. Или тот, кого безумно, отчаянно, безоглядно любил человек, который теперь лежит в могиле. Или тот, чей разум расколот, разделен надвое, так что сам человек раздвоился. Либо мать или отец, рано потерявшие своих дорогих детей. Или…

- Достаточно, - кивнул учитель, глядя мне в глаза. - Вижу, ты не такой олух, каким был когда-то. А теперь объясни, что за человек способен отбрасывать три тени?

- Говорят, что священники, поклоняющиеся трем богам или триединому богу, могут отбрасывать три тени, но точно я не знаю, - неуверенно произнес я.

- Иногда на свет появляются необычные люди, воплощающие в себе дух трех других особ и ставшие не чем иным, как сосудом для хранения этого тройного духа. Они отбрасывают три тени, но ни одна не принадлежит им. Все эти тени - свидетельства существования тех созданий, которые населяют пустые оболочки, называемые людьми. Однако среди женщин попадаются и такие, в которых заключены сразу три существа. Они и воплощают три великие силы женственности: капризное чистосердечие ребенка, несравненную красоту зрелой дамы и мудрость старухи. Но подобные женщины встречаются очень редко и пользуются огромным уважением своего пола, если, конечно, удается их распознать. Мне кажется, графиня Триния и есть такая личность. Она может стать выдающимся, сильным правителем своего народа, если только ее тем или иным способом не лишат власти.

- Она поистине прекрасна, - согласился я, - и капризный ребенок угадывается в ней легко. Но я не увидел ни малейшего признака старческой мудрости. И заметил только две тени.

- Она жалуется, что последнее время стала рассеянной, что ум ее утратил прежнюю остроту, что она в разладе с собой.

- Если она потеряла одну из своих теней, это может означать, что треть ее души отсутствует.

- Пропала? Украдена?

- Откуда мне знать?

- Я бы заподозрил воровство, - объявил Астольфо. - Кробиус предупредил нас, что не все ладно в их «маленькой вселенной», как он назвал парадный зал графини. Вдаваться в подробности нет смысла. Но меня особенно интересует алмаз, который нам показали. Мы должны спокойно исследовать его, предварительно вооружившись знаниями о драгоценных камнях из нашей библиотеки.

- Но как это возможно?

- Тебе придется украсть камень, - отрезал Астольфо. - Не насовсем, разумеется. Мы люди честные и не собираемся оставлять драгоценность у себя.

- Украсть? Но я никогда…

- Ты готов изучать искусство теней или нет? Это самый простой этап, к тому же один из начальных.

- Хорошо, - вздохнул я, но сердце резко дернулось, словно молодая лошадь перед барьером, который предстояло взять.

Я особенно не противился приказу Астольфо похитить алмаз у графини, полагая, что он и его слуга Мютано, мой постоянный и бдительный наставник, проведут следующие несколько недель, тренируя и обучая меня, готовя к ночной экспедиции.

Однако я снова ошибся в своих предположениях.

Грабеж был назначен на завтрашнюю ночь, вернее, на послезавтрашнее утро, ибо мне предстояло появиться в маленьком дворце графини за два часа до рассвета и убраться как раз в тот момент, когда первые лучи солнца коснутся ветхих кирпичных стен, окружающих здание.

- Нужно действовать быстро, - объявил Астольфо, - поскольку я уверен: графиня представляет опасность для себя самой и для своего крохотного королевства. Задача не настолько трудна, как кажется. Тебе предстоит проникнуть не в стальную крепость, возвышающуюся на неприступной скале, а всего лишь в скромное жилище со множеством дверей и коридоров, входов и выходов.

Когда-то там располагалась религиозная община. В парадном зале поклонялись божеству, а остальные помещения и здания служили жилищем для священников и верующих. Поэтому во дворце нет никаких оборонительных сооружений, и всякий может легко туда прокрасться. Конечно, Мютано постарается избавить тебя от природной неуклюжести, но тебе вовсе ни к чему обретать ловкость опытного взломщика. Это место плохо охраняется. Графиня не слишком богата, хотя и не совсем бедна, и ее замок ничего не представляет с точки зрения военной стратегии.

- А если меня поймают?

- Тогда дело плохо, - задумчиво протянул Астольфо, - поскольку тебя узнают и, естественно, предположат, что ты пришел за алмазом.

- Так оно и есть на самом деле.

- После этого они попытаются выведать, явился ли ты по моему приказу и не замешан ли я в какой-то интриге против графини.

- И что я должен ответить?

- Ты решил похитить драгоценность по собственному желанию, ты предал мое доверие, и, услышав обо всем, я приду в бешенство.

- Надеюсь, они удовлетворятся моими ответами?

- После нескольких часов пыток ты, вне всякого сомнения, признаешься во всем.

- Что-то мне расхотелось идти.

- Мютано снабдит тебя великолепным лекарством. Как только тебе начнут угрожать пытками, проглоти всего один шарик. Кончина будет быстра и блаженна.

При этом серые глаза учителя ни разу не затуманились сожалением. Взгляд оставался таким же мягким. Я обратил взор на Мютано. Тот ответил широкой улыбкой и протянул маленькую горошинку цвета гранатового зерна.

- Ладно. Так и быть, - согласился я.

Поскольку ограда дворца была кирпичной и к тому же чуть возвышалась над моей головой, подъемное приспособление состояло из легкой веревки, свитой из конского волоса, к концу которой был привязан железный крюк-трезубец, обтянутый мягкой кожей, чтобы заглушить удар о стену. Обнаженными оставались только острые зубцы. Оружием мне служили короткая шпага с лезвием длиной в три ладони, кинжал с трехгранным клинком, спрятанный в нагрудном кармане замшевого камзола и стальной нож, скрытый в левом сапоге.

- И как мне прикажете драться? - жаловался я. - Если меня поймают, придется сражаться одному против целой толпы.

- Хочешь обвешаться оружием и хлопать на ходу, будто пеликан крыльями? - парировал Астольфо. - Твое истинное преимущество - осторожность и умение оставаться невидимым и неслышимым. Вот единственно верный метод. Лишние клинки только помешают. Кроме того, ты войдешь в замок под прикрытием тени.

- Правда?! - обрадовался я.

Астольфо еще ни разу не позволил мне носить тень. По его словам, я был слишком неуклюж, чрезмерно порывист и не умел плавно двигаться. Даже самая крепкая тень, в которую он, по его словам, облечет меня, скоро превратится в лохмотья, потеряет весь свой темный блеск и покроется пятнами моего пота.

Но теперь мне сулили настоящую тень, ведь мне предстоит настоящее, серьезное задание, а не очередное упражнение для оттачивания искусства и восполнения пробелов в образовании. Конечно, это будет означать, что алое снадобье смерти - действительно яд, а перспектива пыток - не игра воображения.

С каждой минутой мне все больше становилось не по себе, но назад пути не оставалось; я дал согласие и не опозорю себя отказом или колебаниями.

Итак, мне следовало проникнуть во дворец за два часа до рассвета.

- Те, кто веселится допоздна, не встают рано, - пояснил Астольфо, - поэтому сначала небо станет серым, потом предрассветным, и наконец, наступит рассвет. Черная тень будет слишком контрастной, а серая столь же видимой, как и туман. Следовательно, Мютано, нам придется прибегнуть к цветным. Какие оттенки предпочел бы ты для нашего утреннего вора?

Мютано быстро зашевелил пальцами. Я не раз дивился языку жестов, на котором беседовали хозяин и немой слуга, но позже узнал, что они использовали не менее трех жестикуляционных диалектов. Совершенно неясно, на каком они объяснялись сейчас.

Наконец Астольфо лукаво улыбнулся и объявил, что, по

мнению Мютано, выбор цветов стоит предоставить мне как обладателю тени.

Изучение цветов тени - дело долгое и сложное, я практически еще не приступал к этому предмету. И поскольку все названные мной оттенки наверняка посчитают неверными, я сделал очевидный выбор:

- Если день будет ясным и солнечным, на небе появятся фиолетовые полосы, которые вскоре сменятся желтыми и серебристыми. Возможно, серовато-коричневый цвет окажется самым подходящим.

Как я и ожидал, коллеги ехидно ухмыльнулись, видя такое невежество.

- Вот что, Фолко, - объявил Астольфо, - еще есть время для короткого урока по подбору оттенков теней.

Он знаком велел Мютано задернуть занавеси на высоких окнах библиотеки, так что мы оказались в полутьме. Затем он подошел к маленькой масляной лампе, стоявшей на небольшом столике, высек огнивом искру, зажег фитиль, поставил за лампой вогнутое, отполированное до блеска зеркало и поманил меня к столу, куда положил листок белоснежной бумаги.

- Сколько видов основного света можно насчитать в этой комнате? - спросил он.

- Два, - ответил я. - Яркий, белый, от лампы с зеркальцем, и более тусклый, мягкий, который сочится через полотняные занавеси.

- Прекрасно. А теперь хорошенько рассмотри тень на этой бумаге. Что ты видишь?

Он взял со стола маленький кинжал, которым обычно вскрывал печати на документах, и поставил его перпендикулярно к поверхности, придерживая кончиком пальца.

- Я вижу две тени. Голубоватую, которая падает от лампы, и мутно-желтую, созданную светом, проникающим в окно.

- Именно так тебе кажется, - кивнул Астольфо и сделал знак Мютано задернуть тяжелую атласную штору поверх занавесей.

- Что ты видишь сейчас?

- Синяя тень от лампы превратилась в черную.

- А края?

- Раньше они были более расплывчатыми. Сейчас же стали очень четкими.

Он кивнул, и Мютано раздвинул занавеси. Астольфо потушил лампу.

- А тень от кинжала?

- Тонкая, размыто-серая, неясная. Самая обычная, я бы сказал.

- Обычных теней не бывает: тебе часто твердили об этом. Свет

от лампы и свет, пробивающийся сквозь занавеси, дополняют друг друга, а результатом становится ложное видение. Твои глаза обманывают тебя, и причина проста: смешение двух видов света. Первые лучи солнца на востоке будут сливаться с отступающей темнотой остальной части неба - темно-серый, переходящий в розоватый. Тень, которую ты наденешь, должна дополнять эти цвета, и хотя не станет невидимой, это невозможно, но обманет зрение посторонних.

- Каким же тогда должен быть цвет?

- Подумай сам.

- Я могу полагаться только на свидетельство своих чувств, как бы обманчивы они ни были. Этот нежно-голубой может стать дополняющим, не так ли?

- Да. Это один из дополняющих цветов, но не забывай, что на исходе часа интенсивность и оттенок света изменится.

- Значит…

- Значит, у нас будет многоцветная тень, состоящая из нескольких оттенков, - объявил Астольфо. - Они будут вытекать друг из друга и перетекать друг в друга, как полосы радуги, в том месте, где водопад вливается в бассейн лесного ручья. В этом случае ты сможешь переходить с места на место и казаться частью естественных изменений утреннего освещения.

Мне это показалось не слишком удачным.

- Но разве такое количество цветов не будет выглядеть кричащей, аляповатой аномалией в мирном рассветном сиянии?

- Так ты не доверяешь нашему опыту и глубине знаний?

- Конечно, доверяю, но… От какого персонажа вы получили эту многоцветную тень?

- От прославленного актера Ортинио. Человек, который так убедительно и ярко сыграл столько ролей, должен иметь многообразную и изменяющуюся тень. Правда, она лишена прочной текстуры. Таково следствие актерской профессии, ибо самих актеров нельзя назвать выдающимися личностями. Им приходится полагаться на драматурга, наделяющего их характером. Поэтому под тень необходимо что-то надеть. Я предлагаю тебе разноцветную тунику из нескольких легких тканей, чтобы создать и поддерживать иллюзию. Главная задача цветных теней - заставить людей видеть то, что они, по их мнению, и без того видят.

- Прекрасно. Но как мне пробраться во дворец?

Он отложил кинжал, вынул заостренный уголек и принялся рисовать на бумаге ряд квадратов.

- Вот приблизительный план дворца и окрестностей. Итак, что тебе делать? И откуда, по-твоему, лучше всего войти?

- Это зависит от того, где хранится камень, - подумав, ответил я. - Лучше сразу же оказаться как можно ближе к этому месту, если, разумеется, его не слишком тщательно охраняют. В этом случае стоит, пожалуй, перебраться через ограду в самом дальнем углу двора и не спеша прокрасться к тайнику.

Мютано и Астольфо, переглянувшись, согласно кивнули.

- А где, собственно говоря, может находиться камень?

- Трудно сказать. Думаю, графиня держит его при себе, но вдруг она перестала доверять слугам или считает тайник ненадежным? Возможно, она отдала его на хранение Кробиусу или другому советнику. Или он находится в отдельной комнате под вооруженной охраной.

- Но сумеешь ли ты пробраться в три места разом?

- Время не позволит. Будь у меня три ночи - дело другое. Но у меня всего два часа. Я попробую открыть комнату, специально отведенную для алмаза, ибо так меньше всего шансов, что меня узнают.

Парочка снова дружно кивнула.

- Ты сможешь найти это место на нашей маленькой карте? - осведомился Астольфо, толкнув по столешнице листок бумаги к тому месту, где сидел я.

Его карта представляла собой длинный прямоугольник, тянувшийся с севера на юг. Главное здание дворца обозначалось у восточной стены. С обеих сторон его окружала дюжина квадратиков. Один был разделен надвое: очевидно, здесь находились арсенал и флигель для стражи. Входы не были отмечены, но я предположил, что их четыре, по одному в каждом направлении.

- Здесь.

Я коснулся третьего квадрата слева от главного здания.

- Я смогу перебраться через ограду, залезть на крышу и по ней пройти влево.

- Вполне логично, - одобрил Астольфо. - Насколько мне известно, здесь находятся спальни холостых придворных. Представляю, как они спят на своих топчанах, нарушая тишину пьяным храпом, пока ты на кошачьих лапках шествуешь мимо них. Только посмотри вниз, когда доберешься до угла. Убедись, что в дверных проемах не стоят стражники, готовые немедленно тебя схватить.

- Я буду начеку.

Его предостережение оказалось пророческим.

Ночь тянулась невыносимо медленно, но едва я осторожно, напрягая руки, начал спуск по терракотовой сточной трубе, свисавшей с угла здания, как откуда ни возьмись, словно на звон

призрачного колокола, явились восемь дюжих стражников. За ними в огромном дворе стояли еще человек двадцать. Шестеро из восьми окружили меня, обнажив шпаги, а седьмой заломил руки за спину. Восьмой, капитан самого зверского вида, со шрамом на физиономии и таких же габаритов, как Мютано, умело обыскал меня, отбросив в сторону мои короткую шпагу и клинок и выудив из сапога любимый маленький кинжал, который я считал ловко спрятанным.

- Твое имя? - рявкнул он голосом, гарантированно превращавшим кровь новобранцев в кошачью мочу.

- Томболо, - промямлил я, вспомнив мальчишку с соседской фермы, нещадно изводившего меня в детстве.

- Сомнительно! - буркнул он. - Твое занятие?

- Вор.

- Еще более сомнительно, - прорычал он, а его уродливые братья по оружию вторили заявлению презрительным хихиканьем.

- Как ты попал сюда?

- Больше я ничего не скажу. Делайте со мной, что хотите.

- А вот это мы можем, причем без твоего разрешения. Но, пожалуйста, умоляю, ответь еще на один вопрос: почему ты заявился сюда в этих дурацких, кричащих тряпках? Любой человек в таком наряде, будь он вор или корабельный кок, виден за семь миль!

Я оглядел себя и онемел от изумления. Мои плечи, торс и руки вовсе не окутывала едва различимая тень из медленно меняющихся оттенков и форм, подобных языкам пламени. Вместо этого на мне болтался легкий прозрачный плащ из кое-как сшитых обрезков ткани, ярких лент, лимонного алого, лазурного, изумрудного, янтарно-жел-того и чернильно-фиолетового цветов. Теперь, узрев все это, я почувствовал вес одеяния, небольшой, но ощутимый.

- Только взгляните на его рожу! - прокаркал мой мучитель. - Нижняя челюсть болтается, будто дверь со сломанной петлей! Просто шут гороховый! Нет, нужно непременно посоветовать графине взять его ко двору… Хотя он слишком высок для шута. Нужно укоротить его на локоть-другой.

Капитан выхватил шпагу и подошел ближе:

- Итак, чего предпочтете лишиться, синьор Дурак? Может, отхватим кусочек с самого низа?

Он шлепнул меня по коленям лезвием шпаги.

- Или сверху?

Грязным ногтем большого пальца он прочертил царапину поперек моего адамова яблока.

- Или уж начать с середины?

Острие шпаги разодрало ткань на груди.

Все эти казарменные шуточки сопровождались буйным весельем его усатых, раскормленных подчиненных, и я дал мысленную клятву, что если когда-нибудь поступлю в стражники, выберу отряд, капитан которого не мнит себя юмористом. Но в этот момент я был так ошеломлен разоблачением, а еще больше - пестрым ленточным одеянием, что не смог найти достойного ответа и вызывающе повторил:

- Делайте, что хотите.

- Что хотим? - издевательски переспросил капитан, смеясь. Смех продолжался долгую, мрачную минуту.

- Синьор Дурак, вы не мололи бы языком, зная, что с вами могут сотворить!

Знакомый, жизнерадостный, мягкий и одновременно повелительный голос донесся из-за кольца солдат:

- Все худшее, что может с ним случиться, сотворю лично я! Стража немедленно расступилась, и ко мне подошел Астольфо

в лучшем военном облачении - камзоле цвета морской волны с широким поясом из золотой парчи, красном плаще с короткими рукавами и высокой широкополой шляпе с белым плюмажем.

У левого бедра красовалась шпага в усыпанных драгоценными камнями ножнах. В левой же руке он держал длинное копье. Подступив ко мне, он зловеще повторил:

- Все худшее, что может с ним случиться, сотворю лично я!

Не успел я оглянуться, как он размахнулся и с такой силой ударил меня по шее, что я повалился навзничь. Рассветное небо, крыша здания и лица Астольфо и солдат закружились в глазах, как листья папоротника, вертящиеся в воронке водоворота.

Я попытался что-то сказать, но удар в шею у самого основания горла лишил меня дара речи. Я не мог ни кашлянуть, ни захрипеть и только ловил ртом воздух, как карп на песке.

- Поднимите его! - скомандовал Астольфо, и по знаку капитана злорадно ухмылявшиеся солдаты рывком подняли меня на ноги. Не поддерживай они меня с боков, за локти и плечи, я наверняка мешком рухнул бы на землю.

Астольфо обошел нашу компанию, время от времени ударяя в землю древком копья со стальным наконечником. Казалось, он был погружен в глубокое раздумье и одновременно сгорал от бешенства. Наконец он остановился и обратился к стражникам:

- Синьоры! Полюбуйтесь, во что может превратить человека вероломная неблагодарность и подлая склонность к мятежу! Когда я только взял в услужение этого Фолко, он был не кем иным, как безграмотным, невоспитанным, грубым крестьянским

мальчишкой, от которого все еще несло навозом с каменистых полей его папаши. Подобно многим людям моих лет, я доверился его невинности и дал ему ночлег и стол. Его единственной обязанностью было получать образование и выполнять несложные работы под присмотром моего верного слуги.

Он вонзил древко копья в пыль, прежде чем продолжить:

- Но воззритесь на него сейчас! Он нагло проник во дворец, задумав уж не знаю, какое злодейство. Он явился вооруженным, а это всегда было доказательством подлых намерений. И при том вырядился в дурацкие цветные лохмотья по причине, объяснить которую я не в силах. Этот наряд принадлежал моей младшей сестре - она надевала его на праздник Иванова дня, да и то, когда ей было лет двенадцать, не больше. Возможно, он решил прикинуться безумцем, на случай если попадет в руки стражников. Но, поверьте, он не глупее нас с вами!

Солдаты встречали громким хохотом каждую его фразу. Астольфо снова остановился передо мной.

- По счастливой случайности я нашел в комнате негодяя некие бумаги, из которых узнал, что он задумал сегодня вечером пробраться сюда и украсть все ценности, до которых дотянутся его грязные лапы. Потом он собирался спрятать награбленное в моем доме, а в одну из ночей перед новолунием вознамерился перерезать мне горло во сне, похитить мое скромное имущество и попроситься на службу к бесчестному пирату Морбруццо, чтобы разорить и сжечь город Тар-докко, грабя и убивая всех на своем пути.

Он неожиданно поднял древко копья и с силой ткнул мне в живот. Внутри взорвалась невыносимая боль. Колени мои подогнулись.

- Как только я нашел эти обличающие документы, немедленно поспешил к вам - предупредить доброго министра Кробиуса о подлых замыслах моего слуги. Поэтому все вы оказались здесь и в два счета схватили преступника. Графиня будет довольна столь верной службой!

Он повернулся спиной ко мне и возвысил голос, по-прежнему мягкий, но на этот раз проникнутый мощью и силой:

- Взгляните на него и берегитесь! Видите, что грязные кабаки и бордели могут сотворить с молодым парнем, слишком простым, чтобы устоять перед самыми незатейливыми искушениями, слишком слабым, чтобы учиться искусству и ремеслу, слишком трусливым, чтобы по достоинству оценить собственный характер и стараться удержать себя в рамках. Ваш мудрый Кробиус предложил вздернуть мерзавца на виселице, но я убедил его, что прежде необходимо допросить преступника, ибо нам неизвестно,

какие еще планы он строил и имел ли сообщников в задуманных злодействах. Мы отведем его ко мне домой, синьоры, и допросим с таким пристрастием, что когда в его теле не останется ни единой целой косточки, он станет со слезами молить нас поскорее надеть ему петлю на шею. Ваш добрый капитан предложил своих людей, чтобы проводить нас домой, и я с благодарностью согласился.

Двое стражников немедленно встали по бокам от меня, а Астоль-фо и небритый капрал зашагали впереди небольшого отряда. Мы шествовали по двору под издевательски громкое звяканье шпаг о ножны. Медленно вышли из ворот и направились по дороге, ведущей через поля в Тардокко. Постепенно Астольфо ускорил шаг, но все же ранние пташки - фермеры, везущие плоды труда своего на рынок, сонная ночная стража, расходившаяся по домам, мусорщики и подметальщики, а также праздные гуляки с красными от недосыпания глазами - могли вдоволь полюбоваться жалким зрелищем, которое представлял собой несчастный Фолко, тащившийся по улицам в грязных и рваных отрепьях.

Когда мы наконец добрались до особняка Астольфо, он открыл ворота восточного сада и повел нас в будку-ледник над родником, под толстым болиголовом. Туда, в холод и тьму, он зашвырнул меня пинком под зад, обернул цепь вокруг дверной ручки и навесил тяжелый замок.

- Здесь он немного охладит свой пыл, синьоры. А мой слуга скоро придет, чтобы посторожить его. Ну а пока пойдем и посмотрим, что вкусного найдется в кладовой. Припоминаю, что там оставалось блюдо пирогов с ливером и небольшой бочонок свежесваренного пива.

Солдаты дружно прокричали «ура» и удалились во главе с Астоль-фо, насвистывавшим веселую военную песенку.

- Не удивлюсь, синьоры, если ваша великодушная графиня и старый хрыч Кробиус даже не подумают по-королевски вознаградить вас за сегодняшний труд.

Я устало опустился на каменистые берега ручья, в котором стояли кувшины свежего молока, обернутые промасленной кожей, головки сыра и масла и бочонки с вином. Пока я потирал ноющий живот и раскалывающиеся виски, мой взгляд упал на сплетенную из прутьев ивы корзинку в углу, у моего левого сапога. Открыв ее, я обнаружил оловянную кружку, каравай ржаного хлеба, кусок вареной говядины и нож с вилкой.

С момента появления Астольфо я сразу понял, что попытка ограбления была всего лишь хорошо поставленным спектаклем, уловкой, предназначенной для того, чтобы привлечь внимание ко мне и отвлечь от некоего события. Какого именно? Это было

известно одному лишь Астольфо. Правда, в данный момент мне было на все плевать. Несмотря на синяки и увечья, я был смертельно голоден и набросился на еду, как грифон, раздирающий тушу быка.

После я подумал, что жесткие влажные камни этого ледника могут послужить неплохой кроватью. Я ужасно устал, и, хотя еда немного восстановила мои силы, боль никак не утихала. Астольфо успешно разыграл комедию перед солдатами. Но меня он бил от всей души!

Булыжники, конечно, не мягкий тюфяк, но мне удалось вздремнуть. Проснулся я от пинка Мютано. Открыв глаза, я немного растерялся. К этому времени я успел привыкнуть к внушительным габаритам немого слуги, но когда смотрел на него снизу, он вдруг показался мне еще выше и крепче, чем башня астролога.

С громкими стонами я поднялся на ноги и последовал за ним на кухню главного здания. Там уже сидел Астольфо, как всегда, на своем любимом месте - большой мясницкой колоде в центре помещения. Лениво болтая ногами, он махнул мне рукой.

- Ну, как ты, мой храбрый Фолко? Понравилась жизнь вора? Не слишком завидное существование, полное сюрпризов и нежеланных наград. Ты уже приготовился следовать этим путем - к богатству или на виселицу?

Если я выкажу недовольство, его уколы станут еще больнее.

- Когда я соберусь стать вором, - ответил я, - прежде всего, постараюсь убедиться, что мои партнеры достойны доверия и не предадут в трудную минуту, по прихоти или капризу.

- Брось, парень. Ты действительно считаешь, что я способен предать по прихоти и капризу?

- Полагаю, что мой позор и безжалостные удары были частью того плана, который вы задумали. И, несомненно, вы назовете их необходимыми деталями.

- Нам следовало быть убедительными в глазах недоверчивых стражников и хитрюги Кробиуса, - коротко ответил Астольфо. - Уверяю тебя, он наблюдал всю сцену из окна, пытаясь обнаружить признаки обмана.

Я осторожно потер ноющие бока.

- Должно быть, ваши побои его убедили, - процедил я. - И мне очень интересно знать, что унес с собой Мютано, в то время как все наслаждались моими страданиями. Когда вы успели напялить на меня идиотский наряд из ленточек? Отправляясь на дело, я считал, что облачен в тень нежных оттенков и цветов, невидимых в рассветных лучах.

- Так оно и было, - пояснил Астольфо. - Это платье из

обрывков ленточек и обрезков, которое ни одна моя сестра, будь у меня таковая, не посмела бы надеть, служило подкладкой для тени, которой мы тебя окутали. Но эта тень обладала некоторыми качествами радуги, потому что брала истоки в сырости и влаге. Как я уже сказал, это была тень актера Ортинио, стоявшая в тумане с ярко горящей лампой у нее за спиной. Когда ты отправился в путь, жар твоего тела и утреннее тепло растопили туманную тень и оставили тебя в пестрых лохмотьях.

- Надеюсь, вам понравился спектакль, ибо, по моему мнению, он не мог пройти удачнее.

- Посмотрим, насколько ты прав и стоит ли нам радоваться, ведь мне очень любопытно увидеть главный приз.

Он сделал знак Мютано. Тот кивнул и с угрюмой улыбкой вытащил из-за пояса белый кожаный мешочек, развязал и высыпал на ладонь левой руки четыре маленьких камешка. Я распознал в них черные опалы, зловещие камни с дурной репутацией, приносящие несчастье своим владельцам.

Астольфо назвал форму каждого.

- Это шарик, это овал, это маленький ромб, а этот, чуть побольше - картуш, или завиток. Мютано, а где крохотный стреловидный опал?

Мютано широко улыбнулся и достал из-за желтого кожаного манжета еще один опал, чернее остальных, в виде наконечника стрелы.

Астольфо легонько похлопал в ладоши, после чего стал радостно потирать руки.

- Итак, наше предположение оказалось верным. Для камня была выбрана форма оружия, хотя это всего лишь предрассудок, а не истинная наука.

- Не пони… - начал я.

- Тебе пора избавиться от своего шутовского одеяния, - перебил Астольфо, сорвал с меня цветастое тряпье и, смяв его, отбросил на пол из каменных плит.

- Ты будешь учиться усерднее, если перестанешь постоянно вспоминать о своем позоре. Давай-ка выпьем по кружке пива, чтобы смыть горечь объяснений.

Он легко спрыгнул на пол, поставил на стол три кружки и налил в них пенящегося пива из глиняного кувшина. Мы дружно подняли кружки и попробовали крепкого напитка. Да, такое пиво способно озарить радостью даже самые мрачные мгновения.

- Помнишь, как Кробиус, демонстрируя нам алмаз, рассказывал о графине?

- Да. Он превозносил ее великодушие, но жаловался на слабость разума, особенно ярко проявлявшуюся в последнее

время.

- Прекрасно. И ты помнишь, каким термином он обозначил эту слабость разума?

- Он сказал, что в ней отсутствует надлежащий зов воли.

- Вот именно. Зов воли. Скажи, в своих усердных изучениях деяний магов и старинных саг ты никогда не встречал столь странных слов?

Что-то зашевелилось в глубине моего сознания, как мышь в углу ларя с зерном.

- Это то ли школа, то ли кружок философов, сформулировавших некие правила о природе власти. О том, кому позволено править, каким образом должен осуществляться выбор наследника князей, графов и других аристократов, и…

Пыльная, изъеденная червями рукопись внезапно стала рассыпаться в моей памяти.

- Возможно, ты лучше вспомнишь, если я скажу, что недоброжелатели именовали это сборище мыслителей «Членистоголовыми» или «Членовластами».

- «Маскулинисты»

[2], - воскликнул я. - Да, они были уверены, что на дощечках судьбы записано звездами право мужчин и только мужчин властвовать над людьми. Они искренне считали, что это единственно правильный порядок вещей. Любая женщина, занимающая трон или первое место в своих владениях, совершает некий древний и незаконный акт узурпации, который и привел этот мир в нынешнее состояние хаоса.

- Теперь ты все понял, - кивнул Астольфо. - Последователи этого учения считают, что женщина недостойна иметь власть над другими людьми, если не считать ее детей, животных и служанок.

- Так, значит, если Кробиус тоже мыслит так…

- Он вполне может желать свергнуть любую имеющую власть даму. Но какой женщине, какому образцу женского разума он не доверяет, боится и, возможно, завидует больше всего?

- Женщине с тремя тенями. Трижды благословенной, втройне могущественной женщине, ребенку, красавице и старухе в одном лице.

Мысль об этом разожгла во мне такой энтузиазм, что я осушил кружку и протянул ее Астольфо.

Но тот не спешил вновь наполнить сосуд.

- Мы еще не дошли до конца головоломки, так что лучше сохранять ясность мысли.

- О, нет, вы должны мне не только вторую, но еще много-

много кружек за все издевательства, которым подвергли меня во дворце.

Он ухмыльнулся, и Мютано вновь наполнил мою кружку.

- Но я не могу взять в толк, каким образом Мютано, украв этот маленький стреловидный опал, сможет разрушить замыслы Кроби-уса?

- Он ничего не крал. Он поменял, - пояснил Астольфо. - Ты изучал труды о драгоценных камнях. Читал, как драгоценности, а особенно алмазы, слишком долго находящиеся во владении одного человека, становятся частью души своего хозяина.

- Да. Я напоминал вам легенду об Эрминии, камень которой рассыпался с ее смертью. Но вы от меня отмахнулись.

- История слишком истрепалась от долгого употребления, хотя я не оспариваю ее правдивости. Но ты должен был читать о том, что природу камня можно изменить, если держать рядом с ним другой, и что черный опал, как правило, оказывает на камень разлагающее влияние и ухудшает его качества.

- В «Учении о камнях и душе» Максилиуса существует пространное объяснение…

- Да, а также у Бертралиуса, Ронио, Милитидеса и многих других. Кробиус положил рядом с алмазом графини губительный опал, зная, что она хранит шкатулку у себя в спальне. Понемногу опал, служивший проводником, перетянул одну часть ее тройственного духа в алмаз. Рано или поздно за первой частью последовали бы еще две, и алмаз приобрел бы сначала серый, а потом густо-черный цвет. Сама графиня превратится в куклу, пустую оболочку, без памяти, без искры божьей, без разума, а тело ее будет постепенно таять, как снежный сугроб, исчезающий в первых лучах весеннего солнца.

- И тут Кробиус захватит ее поместье.

- Не сумеет: в нем нет ни капли крови графского рода. Люди графини не потерпят узурпатора. А вот ее третий муж, граф, с которым Кробиус вступил в тайный союз, немедленно вернется из изгнания, объявит своим долгом необходимость заботиться о больной жене, и власть законным порядком перейдет к нему.

- Значит, алмаз, найденный в морском сундучке, наследство ее второго мужа, не принес счастья, как надеялась графиня.

- Никакого наследства не было. Кробиус или его сообщник спрятали алмаз в сундучке.

- Но почему Мютано принес не один, а пять черных опалов?

- Мы не знали, какую форму камня выбрал Кробиус, чтобы подложить в шкатулку с алмазом, так что пришлось действовать наугад, выбрав самые традиционные формы. Фортуна оказалась на нашей стороне.

- Но теперь Кробиус увидит, что камень пропал, сразу вспомнит мою дурацкую попытку ограбления, всю ребяческую комедию со стражей и поймет, что вы…

- Ничего он не обнаружит, поскольку Мютано подменил опал безвредным кусочком обсидиана такой же формы и подложил в шкатулку. А обсидиан не обладает оккультными силами, и со временем душа графини ускользнет из алмазной тюрьмы и снова станет свободной и цельной.

- Но он заметит перемены, осознает, что графиня бодра и рассудительна, как прежде, и тогда…

- Тогда Кробиус поймет, что мы разгадали его планы, и если попытается что-то предпринять против госпожи, мы его разоблачим.

- Но почему не сделать этого сейчас?

- Лучше наблюдать и выждать. Есть ли у него сообщники во дворце? Сумел ли он заключить тайные союзы с другими князьями, другими провинциями или армиями? Он будет повсюду чувствовать наши неотступные взгляды, и если попытается осуществить некий секретный план, мы немедленно об этом узнаем.

- Значит, пока нам ничего не придется делать?

- Говорю же, мы наблюдаем и выжидаем. А ты тем временем можешь совершенствоваться в познании свойств драгоценных камней, и Мютано начнет наставлять тебя в искусстве носить тени: как надевать их, не повредив, как выбрать лучшую для определенного задания, как подгонять их по своей фигуре, как двигаться, чтобы казаться игрой света, а не клоуном, пробирающимся сквозь мутный туман.

- Это самое увлекательное упражнение из всех, которые вы заставляли меня выполнять до сих пор. С удовольствием им займусь.

- Должен предупредить, - заметил Астольфо, - эта дисциплина требует немалого труда и большой выносливости. Мютано вряд ли разочарует тебя в этом отношении. Так что не мечтай о легкой жизни.

Я взглянул на широкую улыбку Мютано, и что-то в ней мне крайне не понравилось.

Мы решили провести разоблачение Кробиуса в три этапа, во время следующего и последнего визита во дворец. Первым этапом должно было служить мое появление перед графиней в цепях и оковах, а также со следами грубого, бесцеремонного обращения: синяками и ссадинами. Мне предстояло исповедаться в несуществующих подлых преступлениях, а на долю графини выпало вынесение приговора.

Эта прелюдия давала нам возможность увидеть графиню и понять, изменилось ли что-то в ее поведении и облике, в работе разума, в душевном и физическом здоровье. Кроме того, нам следовало не спускать глаз с Кробиуса, выискивая любой намек на то, что он обнаружил подмену опала ничего не стоящим осколком обсидиана, и проследить любую перемену в министре, перемену, грозившую опасностью нам или графине.

Сначала аудиенция проходила точно так же, как в первый раз. Правительница опять восседала в парадном зале, на высоком стуле, украшенном изысканной резьбой. Только теперь Мютано играл роль моего стражника и считал своей обязанностью время от времени награждать меня ударом в челюсть и пренебрежительно пинать в скованные щиколотки. Эту часть своей роли он играл с нескрываемым восторгом.

Я стоял перед графиней. Мютано возвышался справа от меня, Ас-тольфо - слева. За нашими спинами маячил Кробиус. Я нес чепуху, которую вдолбил мне Астольфо ценой многочисленных упражнений: как задумал украсть большой алмаз и держать его в тайнике, пока не найду способ приобрести с его помощью расположение кровавого пирата Морбруццо, а потом присоединиться к его шайке.

Благодаря железной дисциплине, насаждаемой моим наставником, я превратился в жалкое, хнычущее, полное раскаяния ничтожество, готовое жить или умереть лютой смертью в зависимости от желания графини.

- Как вы считаете, синьор, - спросила графиня, - искренне его раскаяние или это очередное притворство, посредством которого он надеется избежать сурового наказания?

Астольфо с сомнением покачал головой.

- Думаю, в этот момент он чистосердечен. Но кто может знать, какие мысли зародятся завтра в том клубке змей, которым является его разум?

- Надеюсь, он под надежной охраной?

- О да, синьора. Мой человек, Мютано, не сводит с него глаз. После этих слов Мютано отвесил мне такую оплеуху, что из моего

носа закапала кровь. Похоже, он сильно переигрывает! Я жаждал занять его место в нашей драме. Уж у меня хватило бы смекалки наградить его такими изощренными пинками, тычками и щипками, что у него голова кругом пойдет! Только бы поменяться с ним ролями!

- Тогда окончательное суждение за вами, Астольфо! - объявила графиня. - Если он еще может исправиться - прекрасно, если же нет - этот мир будет чище, освободившись от его присутствия.

- Синьора, - поклонился Астольфо, - я во всем вам повинуюсь. Но теперь об алмазе: вы были правы, заметив, что его сияние померкло, а цвет несколько изменился. Но это такой великолепный и, я сказал бы, отважный камень, что он должен обладать сильными внутренними качествами, чтобы исцелить себя и изгнать мрак, таящийся в сердцевине.

- О, это было бы настоящим чудом.

- Мой совет таков: свет к свету - и тьмы нету! Будет лучше всего, графиня, не закрывать камень в шкатулке или футляре, где он окружен полным мраком и кладбищенской тишиной. Пусть камень постоянно находится на свету, вдыхает чистый воздух, и тогда он снова найдет себя. Да и ваше самочувствие, синьора, заодно укрепится, ибо в древних историях и сагах говорится, что здоровье владельцев тесно связано с состоянием тех камней, которыми они обладают. Я мог бы привести десятки примеров и упомянуть множество трактатов…

Он помолчал и, откашлявшись, продолжил:

- Возможно, если у вас есть время и терпение, вам захочется услышать малоизвестную историю о знатной даме Эрминии и ее опале. Он был так тесно связан с ее мыслями и настроениями, что изменял цвет, а по словам некоторых, и форму, когда дама радовалась или гневалась…

И тут Астольфо принялся подробно, во всех интригующих деталях, красочным языком излагать ту самую историю, о которой не желал слышать ни слова из моих уст. Я нашел это обстоятельство крайне раздражающим и, возможно, предпочел бы даже побои Мютано изысканному повествованию Астольфо. В гневе я зазвенел цепями, и Мютано, словно выполняя мое невысказанное желание, наградил меня увесистым пинком в ногу.

- Поэтому, как видите, - заключил Астольфо, - связи между обладателем и вещью весьма сложны, крепки, а порой и неразрывны. Ради этого камня и ради вашего собственного блага я молю вас поместить алмаз на дорожку из белоснежного полотна, украшающую стол в светлой комнате. Более того, необходимо, чтобы рядом с ним день и ночь горели две лампы, излучающие теплый и лучистый свет. Уверен, рано или поздно вы увидите, как к нему вернется былой блеск.

- Я бы приняла ваше предложение, - заметила графиня, - но мне не слишком нравится хранить алмаз в таком месте, где любой может его видеть и любой может похитить, тем более что каждый день мимо стола будут проходить десятки людей. Сделать так, - значит, попросту искушать вора. С таким же успехом можно послать грабителю приглашение на серебряном блюде.

Столь недвусмысленно выраженное сомнение стало знаком перехода к третьей части плана Астольфо.

- Вы совершенно правы, синьора. В таких обстоятельствах каждому под силу похитить камень. Поэтому его следует постоянно стеречь, причем заботу о нем необходимо доверить тому, кто целиком… нет, рабски предан вашему благоденствию. Он должен охраняться человеком, которого не коснется и тень подозрения, который преданно служит вам много-много лет, кому вы привыкли безраздельно доверять.

- Вы говорите о моем министре Кробиусе, - догадалась графиня.

- Госпожа… - пролепетал Кробиус, выступая вперед.

- Но у нашего Кробиуса и без того много важных дел! Государственных дел, которые требуют его внимания, словно голодные дети, цепляющиеся за материнский подол! Кроме того, его одолевают финансовые проблемы, слухи о вооруженном восстании, об интригах и конфликтах. Каждый час его дня до того заполнен подобными вопросами, что они буквально выплескиваются из отмеренных границ, подобно зернам овса, хлынувшим из порванного мешка.

- Даже опасаясь вашего гнева, госпожа, я вынужден настаивать, - упорствовал Астольфо, - ибо уверен: среди ваших дел нет более настоятельного, чем это. Оно прямо касается вашего здоровья и, следовательно, безопасности ваших земель и их обитателей. Потому я прошу создать специальное, особое ведомство. Позвольте вашему Кробиусу стать Хранителем Камня. И если против алмаза затеется некая интрига, он первым узнает о ней, даже при условии, что заговорщик скрывается, подобно гадюке, в пещере на скалах Кламоргры.

Кробиус с проворством, неожиданным для столь престарелого синьора, выскочил вперед:

- Госпожа, я должен отвергнуть столь неожиданную и неуместную честь. Существуют дела го…

Но графиня, весело хихикнув, захлопала в ладоши, словно довольный ребенок, и принялась барабанить каблуками по подножию стула.

- Хранитель Камня! Какой чудесный, необычный титул! Мне он сразу пришелся по нраву!

- И все же на этом ведомстве лежит тяжкая ответственность, - предупредил Астольфо. - Если что-то случится с Великим Алмазом Графини Тринии, как геммологи отныне называют этот камень, вся ответственность падет на плечи Хранителя Камня, и Кробиусу придется предстать перед судом.

- Да, печально… но и занятно тоже. Так что все решено! -

воскликнула графиня. - Итак, мой верный и добрый министр Кробиус, отныне назначаю тебя Хранителем Камня. Теперь твоей единственной обязанностью будет оберегать его день и ночь, во время мира и во время войны, в дурную и хорошую погоду. Не спускать глаз с Великого Алмаза Графини Тринии. И ты будешь щедро вознагражден за свою службу.

Кробиус не выдал себя. Даже глазом не моргнул.

- Да, графиня, - сказал он с поклоном и отступил на свое место, за нашими спинами.

- Вы тоже будете достойно вознаграждены, мастер Астольфо. Назовите сумму и поверьте, что она не будет слишком большим бременем для нашей сокровищницы.

Астольфо ответил неспешным элегантным поклоном.

- О, госпожа, моя услуга слишком ничтожна и, кроме того, я опозорен предательством бывшего ученика, этого негодяя Фолко. Поэтому я не ожидаю награды.

- Но ты должен принять деньги!

- Прошу вас, госпожа, не настаивайте! Но я буду возвращаться каждые две недели, чтобы проверить, все ли в порядке, и убедиться, что рядом с алмазом нет никакого иного камня, что он хранится в хорошо освещенном месте и что никакая тень не прокрадется в его сердцевину, подобно ночному злодею, пребывающему в тайной пещере Кламоргры.

- В таком случае, - произнесла графиня, - я найду способ вознаградить тебя за твои усилия. А теперь Кробиус выполнит последнюю обязанность, прежде чем приступить к новой. Он проводит вас к выходу.

- Синьора…

Астольфо поклонился еще раз, и мы удалились. Злосчастный, избитый, истерзанный Фолко плелся, звеня цепями и изобретая в своем взбаламученном разуме все виды отмщения другу Мютано.

Кробиус шествовал впереди. Пересек парадный зал, прошагал по коридорам, где тени больше не шептали зловещих угроз, и наконец привел нас в широкий вестибюль дворца. Здесь он остановился, повернулся, наградил каждого бесстрастным, холодным взглядом, знаком велел лакею открыть парадные двери, после чего снова повернулся и поплелся назад - нянчить гигантский алмаз до конца дней своих.

А мы тем временем вышли во двор, уселись в экипаж, любезно предоставленный нам графиней, и направились к особняку Астольфо. Я сидел в углу, измученный и злой, но, как ни странно, довольный. Хозяин и слуга устроились напротив и пребывали в прекрасном настроении.

- Великолепная работа, - объявил Астольфо. - И нам не стоит

брать за нее золото. Довольно и того, что отныне мы в милости у госпожи и заслужили ее искреннюю благодарность. Да и вероломный Кробиус отныне в нашей власти. Не правда ли, Фолко, это достойное завершение дня? Причем дня вовсе не утомительного.

- Как для кого, - проворчал я. - Мне так туго пришлось. Я красноречиво звякнул цепями.

Астольфо и Мютано дружно ухмыльнулись.

- Ах, парень, - сказал мастер теней, - когда я вижу, как далек ты от истинного совершенства, перед моими глазами возникает картина необозримого звездного неба.

Перевела с английского Татьяна ПЕРЦЕВА

© Fred Chappell. The Diamond Shadow. 2007. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy amp; Science Fiction».

[1] *Порода коренастых верховых лошадей. (Здесь и далее прим. перев.)*

[2] *Противники равноправия, ненавистники феминизма.*

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

13.08.2008